

это красота холодной логики и строгой системности.

Мы ещё раз убедились, что любое утверждение о единицах языка или об их свойствах должно быть строго обосновано. Аргументы типа «так принято считать», или «так написано в учебнике», или даже «так считали древние греки» к

достоверным результатам не приведут. В то же время даже самый строгий научный подход не может сделать грамматику абсолютно прозрачной. Наоборот, чем точнее выбран угол зрения, тем больше тайн в ней обнаруживается. А значит, появляется больше возможностей эти тайны раскрыть.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

В любом учебнике, школьном или вузовском, описание русских частей речи начинается с имени существительного, и это не случайно. Обозначение предметов и явлений действительности — одно из основных назначений языка. Именно существительное позволяет передать информацию о действующих лицах описываемой ситуации: *Дети играют в мяч; Коту снится сон про горшок со сметаной; В сказках добро побеждает зло; Сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы.* Часто говорят, что существительное обозначает предмет. Но под предметами в этом случае придётся понимать и *красоту*, и *элегантность*, и *ходьбу*, и *сияние*, и *синеву*, и *сон*.

В предложении существительное требует «лояльности» от прилагательных и причастий, задаёт для них формы рода, числа и падежа: *светл**ый** день — светлог**о** дня — светл**ые** дни; наступающ**ий** день — наступающ**его** дня — наступающ**ие** дни.* Это естественно, ведь они называют признак предмета, и согласование эту связь с предметом выражает. Существительное в русском языке идёт дальше: «помыкает» даже «хозяином» предложения — глаголом, вынуж-

дая его согласовываться по числу и роду: *дуб вырос, берёза выросла, дерево выросло, деревья выросли.* Существительное не только «властный начальник», но и гибкий подчинённый. Его падежные формы передают разные оттенки вовлечённости предмета в действие: *дыхание весн**ы**, радуюсь весн**е**, предчувствую весн**у**, наслаждаюсь весн**ой**, мечтаю о весн**е**...*

Система форм существительного кажется более простой по сравнению с системой форм прилагательного или тем более глагола. Два числа, шесть падежей; склонение обычно зависит от рода. Но внимательный взгляд обнаружит за кажущейся простотой множество грамматических парадоксов.

МУЖЕСТВЕННЫЙ ДОМ И ЖЕНСТВЕННАЯ ИЗБА

В первом классе учат определять род существительного, мысленно подставляя к нему слова *он, она, оно* или *мой, моя, моё*. Конечно, на самом деле всё происходит наоборот. Мы соединяем

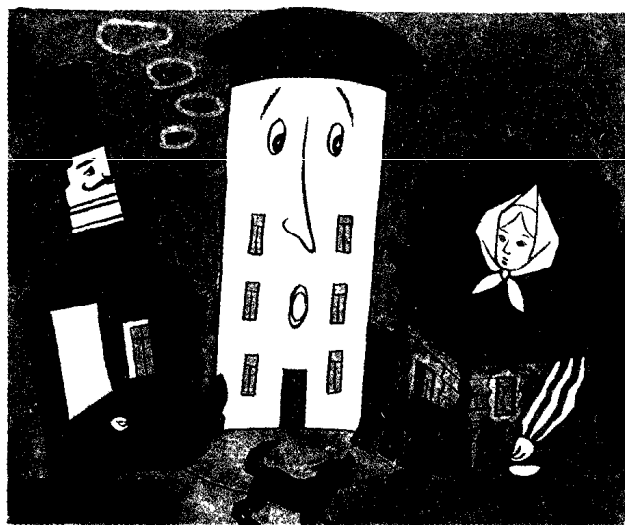

Существительное в русском языке не только «властный начальник», но и «гибкий подчинённый»

со словом *зверь* слова *он* и *мой*, а со словом *дверь* — *она* и *моя* именно потому, что знаем: *зверь* — мужского рода, а *дверь* — женского. Ни одному носителю русского языка, даже совершенно неграмотному, не придёт в голову сделать наоборот. Простой приём с местоимениями лишь помогает осознать своё знание. Но откуда оно берётся? Те, кто изучали иностранный язык, существительные в котором имеют категорию рода, знают, сколько трудностей это вызывает. В испанском, например, *браслет (pulsera)* — женского рода, *брошь (broche)* — мужского, *кольцо (anillo)* — тоже мужского, а *обручальное кольцо (alianza)* — опять женского! Единственная возможность правильно строить предложения — просто запомнить род этих слов, ведь от этого зависят формы прилагательного и артикля.

Получается, что род любого из десятков тысяч существительных родного языка каждый из нас просто помнит! Абсолютно каждый, даже тот, кто не может выучить таблицу умножения. Но, конечно, мы помним род существительных не в виде списка: *дом* — мужской род, *изба* — женский, *здание* — средний. Просто, усваивая в детстве родной язык, мы незаметно для себя усваиваем и такое правило: слова, которые изменяются с помощью окончаний $\emptyset - a - y - \emptyset - am - e - y - ov - am - y - a - ami - ax$ (такие, как *дуб, мост*), должны сочетаться со словами, у которых набор окончаний *ой — ого — ому — ой — ым — ом — ые — ых — ым — ые — ыми — ых* (такими, как *малодой, удалой*). Именно это знание позволяет нам правильно подставлять заветные *он* и *мой*, а иностранцу, изучающему русский язык, этот приём несколько не помог бы. Таким образом, в шко-

ле мы всего лишь осознаём уже имеющееся у нас знание и привыкаем называть это явление языка грамматическим родом.

Определить род существительного намного легче, чем ответить на вопрос, почему то или иное слово именно такого рода. Понятно, почему слова *мальчик, отец, учитель, спортсмен, петух, баран* — мужского рода, а слова *девочка, мама, медсестра, гимнастка, курица, овца* — женского. Их род соответствует полу обозначаемых людей и животных. Но что мужского в *стуле* и *носе* и что женского в *табуретке* и *брови*? И почему эти слова язык наделяет «полом», а *ведро* и *окно* относит к среднему роду? А слова *каникулы, шахматы, сумерки* вообще без рода обходятся! Если бы род слов был напрямую связан с их значениями, его не нужно было бы запоминать. Более того, в этом случае во всех языках, имеющих категорию рода, слова, называющие одни и те же предметы, были бы одного рода. Именно так и происходит с существительными, называющими живых существ: у них род связан со значением, поэтому *корова* или *сестра* будут женского рода почти во всех языках. Почти, потому что взгляды на род в языках могут быть очень разными. Одни языки оставляют пол только людям, а животные и предметы всегда среднего рода, другие выделяют ещё «незрелый» род и род для названий животных. В немецком, например, слова *das Weib* («женщина») и *das Madchen* («девочка») среднего рода. Поэтому даже в случаях, когда род связан со свойствами обозначаемого предмета, грамматика подчиняется не логике реального мира, а логике языка. А с точки зрения языка род — такое качество существительного, которое определяет форму зависимого от него прилагательного или глагола. Сочетания *весёлое вечер* или *пришли брат* невозможны. Если необходимости определять форму прилагательного нет, род существительным не нужен. Во множественном числе прилагательные и глаголы по роду не различаются — есть общая форма для всех слов: *знакомые мальчики, девочки, окна; показались мальчики, девочки, окна*. Поэтому у существительных, не имеющих форм единственного числа (*сани, шахматы, провода*), рода нет.

ДВА = МНОГО

Грамматическая категория числа кажется самой простой в русской грамматике: две формы, образуется в основном с помощью окончаний, грамматическое значение понятно. У прилагательных или глаголов она действительно уст-

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ СЛОВ

Сначала нужно найти те грамматические категории, по которым может изменяться хотя бы одно слово из приведённого списка.

(1) Падеж. По падежам изменяются все приведённые слова, кроме *некто*.

(2) Число. Одни слова изменяются по числам, другие (числительные *два, три, четыре, пять*, местоимения *кто, некто*, а также существительное *мужичьё*) — нет.

(3) Род. Изменяются по родам *белый, лисий, пятый, который*, а также *два* (сравните: *два сына* и *две дочери*); остальные слова по родам не изменяются (это верно и для таких слов, как *пять*, которые вообще не имеют рода, и для таких, как *стол*, которые имеют вполне определённый, фиксированный род).

(4) Одушевлённость. По этой грамматической категории изменяются *белый, лисий, пятый, который* (сравните: *вижу пятого юношу* и *вижу пятый дом*; здесь *пятого* и *пятый* — формы винительного падежа единственного числа мужского рода; эти формы различаются только по одушевлённости и неодушевлённости), а также *два, три, четыре* (сравните: *вижу двух сыновей* и *вижу два стола*). Остальные слова не изменяются (сравните сказанное выше о роде).

(5) Степени сравнения. По ним изменяется лишь слово *белый*.

(6) Противопоставление полных и кратких форм. Оно представлено только у слова *белый*.

Таким образом, приведённые слова разбиваются на семь грамматических классов.

Класс		Грамматические категории, по которым изменяются слова данного класса					
Номер	Состав	Падеж	Число	Род	Одушевлённость	Степень сравнения	Противопоставление полных и кратких форм
(1)	<i>белый</i>	+	+	+	+	+	+
(2)	<i>лисий, пятый, который</i>	+	+	+	+	-	-
(3)	<i>сын, стол</i>	+	+	-	-	-	-
(4)	<i>два</i>	+	-	+	+	-	-
(5)	<i>три, четыре</i>	+	-	-	+	-	-
(6)	<i>пять, кто, мужичьё</i>	+	-	-	-	-	-
(7)	<i>некто</i>	-	-	-	-	-	-

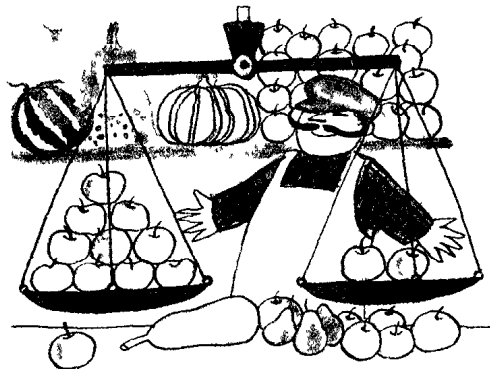
роена достаточно просто, а вот у существительных вызывает немало вопросов.

Начнём со значения. Единственное число — предмет один, множественное — много. Сколько — много? Хотя бы два, для грамматики два — много. Когда-то в русском языке существовала ещё форма двойственного числа — специально для называния парных предметов, и тогда «много» начиналось с трёх (подробнее об этом см. в статье «История русской грамматики»).

Значение ясно, но грамматическое ли оно? Грамматические значения выражают отношения, связи между словами в предложении, а факт, что в ситуации участвует один предмет или несколько, относится к реальности, а не к связи слов. *Мы купили стол*; *Мы купили столы* — на грамматических связях слов смена числа никак не отражается. С другой стороны, не считать же *стол* и *столы* разными словами, а окончание *-ы* — словообразовательным аффиксом, подобным *-тель* или *-ник*? Формы числа обязательны, образуются регулярно, а это верные признаки грамматического явления. Противоречия числа замети-

ли давно. Некоторые учёные склонны выводить число за пределы грамматики, большинство всё-таки считает его грамматическим явлением. Но независимо от названий и классификаций природа числа остаётся противоречивой.

Есть множество случаев, когда то, что на первый взгляд кажется формами числа, оказывается разными словами. Например, *металл* — *металлы*: ведь *металлы* — это не много металла,

О ЗНАЧЕНИИ ГРАММАТИЧЕСКОГО РОДА

У одушевленных существительных грамматические формы рода передают значение 'мужской пол' — 'женский пол'. А у неодушевленных существительных грамматические формы рода не выражают никакого значения.

Однако это не всегда так. В художественном творчестве формы рода существительных неодушевленных могут передавать значение 'мужчина' и 'женщина'. Вот примеры, которые приводит знаменитый русский языковед В. В. Виноградов: «Н. В. Гоголь в „Петербургских записках 1836 г.“ писал: „Москва женского рода, Петербург мужского. В Москве все невесты, в Петербурге все женихи <...>»

Москва — старая домоседка, печет блины, глядит издали и слушает рассказ, не подымаясь с кресел, о том, что делается на свете; Петербург — разбитной малый, никогда не сидит дома, всегда одет и, охорашиваясь перед Европой, раскланивается с заморским людом“ <.. >

А. С. Шишков приводил любопытный пример толкования категории рода царской цензурой начала XIX в.: „Цензоры во все времена были у нас большею частью худы, то есть не довольно сведущи в словесности. Я помню, давно уже, что один из них не хотел пропустить выражения *нагая истина*, сказывая, что истина женского рода, и потому непристойно ей выходить в свет нагой“.

Сравните: в сказке Салтыкова-Шедрина „Добродетели и пороки“: „Произошло между ними в ту пору существо среднего рода, ни рак, ни рыба, ни курица, ни птица, ни дама, ни кавалер, а всего помаленьку. Произошло, выровнялось и расвелось. И было этому междуемку имя тоже среднего рода: Лицемерие“.

Особенно ярко значение форм рода обнаруживается при поэтических переводах с одного языка на дру-

МУЖИ И МУЖЬЯ

Существительное *муж* в разных значениях имеет разные формы множественного числа:

муж 'супруг', множественное число *мужья, мужей, мужьям, мужьями, о мужьях*;

муж 'мужчина' (устарелое и в высоком стиле, а также в некоторых сочетаниях), множественное число *мужи, мужей, мужам, мужами, о мужах* (учебные *мужи*; *государственные мужи*).

Формы родительного падежа в разных значениях совпадают (*мужей*). Но одинаково ли они образованы?

гой. Еще несколько примеров из коллекции В. В. Виноградова: «...Немецкое *ein Fichtenbaum* в разных переводах стихотворения Гейне „*Ein Fichtenbaum steht einsam...*“ (Lyrisches Intermezzo, XXXIII) передавалось по-разному. У Ф. И. Тютчева говорится о *кедре*:

*На севере мрачном, на дикой скале,
Кедр одинокий под снегом белеет,
И сладко заснул он в инистой мгле,
И сон его буря лелеет.*

*Про юную пальму все снится ему,
Что в дальних пределах Востока
Под пламенным небом, на знойном холму
Стоит и цветет одиноко.*

У Лермонтова — под влиянием женского рода слова *сосна* — решительно меняется смысл стихотворения.

*На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она*

*И снится ей все, что в пустыне далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растет.*

Л. В. Шерба замечает по этому поводу: „Мужской род (*Fichtenbaum*, а не *Fichte*) не случаен, и в своем противоположении женскому роду — *Palme* — он создает образ мужской неудовлетворенной любви к далекой, а потому недоступной женщине. Лермонтов женским родом *сосны* отнял у образа всю его любовную устремленность и превратил сильную мужскую любовь в дружбу“.

ЕСТЬ ЛИ ЗУБЫ У РЫБЫ?

«Локоткову удавалось входить в доверие к учителю французского языка и коварно выводить его на посмешище, уверяя его во время перевода, что сказать: **у рыб нет зуб** невозможно, а надо говорить: или **у рыбки нет зубей**, или **у рыб нет зубов** и т. п.» (Н. С. Лесков. «Смех и горе»).

Вероятно, это и есть «первоисточник» шутиwego грамматического вопроса, который многие, наверное, помнят с детства: «Как правильно: **у рыбки нет зубей**, **у рыб нет зубов** или **у рыб нет зуб?**». Дайте обстоятельный ответ на этот вопрос, обосновав его закономерностями русской морфологии.

СОГЛАСОВАТЕЛЬНЫЕ КЛАССЫ

Дана следующая запись: **Я вижу больш- _____, кажд- из которых красив-**. Если вместо прочерка поставить какое-нибудь существительное в винительном падеже множественного числа, то вместо черточек могут появиться только вполне определенные окончания, которых требует (допускает) это существительное. Два существительных входят в один согласовательный класс, если они требуют одних и тех же окончаний.

Определите, сколько таких классов существительных в русском языке. Приведите по крайней мере по одному примеру из каждого класса.

КАПРИЗЫ ПАДЕЖЕЙ

Почему нельзя сказать: «Жизнь и ловля пресноводных рыб»? Десятки, сотни подобных словосочетаний не вызывают возражений: *поиски и находки ученых, труд и отдых рабочих* и т. д. Обычно отвечают так: *жизнь рыб* — это они сами живут, сами действуют, а *ловля рыб* — это не они ловят, а их ловят. Можно соединять два словосочетания, когда обозначаются действия, поступки одних и тех же существ. Следовательно, падеж один, а смысл разный...

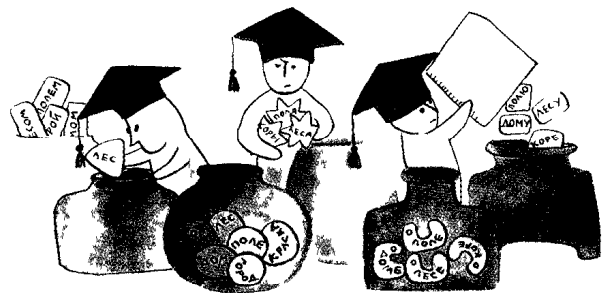
Отчасти значение падежа можно вывести из его названия. «Родительный, — отмечал академик В. В. Виноградов, — получил свое имя от того, что он иногда обозначал род, принадлежность, происхождение. Дательный своим названием выражал одну из своих функций. . . (сравните употребление дательного падежа при глаголе *дать* — *давать*)» Творительный падеж ввел в 1596 г. один из первых русских грамматиков Лаврентий Зизаний. Этот падеж связан по значению с глаголом *творить*, «делать что-то при помощи какого-нибудь орудия, средства», поэтому основное значение творительного падежа орудийное, инструментальное (*работать топором, молотком* и т. д.) Мелетий Смотрицкий в своей «Грамматике» (1619 г.) дополнил русскую падежную терминологию еще сказательным падежом (сравните: *говорить* — *сказать о чем-нибудь*), который потом Ломоносовым был переименован в предложный.

Идеальный принцип любой грамматической категории (связь смысла и формальных признаков) постоянно нарушается, когда мы имеем дело с категорией падежа. Любой падеж имеет не одно, а несколько значений. Например, наиболее характерно для творительного падежа «значение орудия или средства, при помощи которого производится действие». Но, кроме того, есть творительные времена — *днем, вечером* (это

совсем не то, что *писать пером*); творительный способ и образа действия — *шагом, боком*; творительный сравнения — *лететь стрелой* и т. д. Если исходить из значения, только внутри творительного падежа можно выделить несколько падежей.

Итак, определить число падежей на основе формальных признаков нельзя, так как среди них нет единообразия, на основе смысла — тоже нельзя, так как нет предела для дробления значений. Сколько же падежей? Этот вопрос ставил еще академик А. И. Соболевский, он писал: «Сколько падежей? Ответ на этот вопрос не только труден, но прямо невозможен. Если принять за основание звуковую форму имени... то мы должны будем сказать, что одни имена (например, *кость* — только с тремя разными звуковыми формами единственной о числе) имеют меньше всего падежей, чем другие... и что число падежей неопределенно. Если же принять за основание грамматическое значение... то мы должны будем насчитать большое количество падежей... Тогда, например, форма *хлеба* в разных предложениях (*я взял себе хлеба, мясо лучше хлеба, мягкость — свойство хлеба*) будет представлять три падежа...»

(По книге В. В. Одинцова «Лингвистические парадоксы»)

МУЖИ И МУЖЬЯ

Эти две формы родительного падежа, пишущиеся и звучащие одинаково, образованы по-разному.

В первом случае все формы множественного числа образованы с «наращением» в основе «иота» [j]: муж[j]а, муж[j]ам, муж[j]ами, о муж[j]ах. В родительном падеже окончание нулевое, а в основе перед [j] появляется беглая гласная **е**: муж[е]j.

Так же образовано множественное число, например, у существительных *друг* (*друзья, друзей, друзьям* — с чередованием *г/з*) и *князь* (*князья, князей, князьям*). Но чаще во множественном числе с наращением [j] в основе родительный падеж имеет окончание **-ов** (на письме **-ёв, -ев**): *зятья* — *зятьёв, братья* — *братьёв, стулья* — *стульёв*. А у А. С. Пушкина в «Евгении Онегине» встречается и форма *мужьёв*:

*Служанки со всего двора
Про барышень своих гадали
И им сулили каждый год
Мужьёв военных и поход.*

Во втором случае родительный падеж образован с окончанием **-ей**, закономерным у существительных мужского рода с основами на мягкие и шипящие согласные (*олений, царей, сторожей, ершей, товарищей*).

Итак, совершенно одинаковые и на письме, и по звучанию две формы мужей с точки зрения морфологии устроены по-разному. Они членятся так: *мужей* (с нулевым окончанием); *мужьей* (с окончанием **-ей**).

а разные металлы. А *снега* — не много снега и не разные виды снега, а снег, лежащий всюду, куда ни кинешь взгляд *Бега* — тоже не множественное число от *бег*, а особый вид соревнований (*конные бега*), а *свободы* — не множественное от *свобода*, а правовая термин (*гражданские права и свободы*). Во всех этих случаях перед нами разные слова, каждое из которых по числам не изменяется.

Не изменяются по числам многие существительные. Это обычно связано со значением слова: как посчитать *золото* или *воздух*, как представить себе их во множественном числе? А вот слова *чернила, духи, дрожжи*, наоборот, не имеют единственного. Почему *молоко* невозможно во множественном, а *сливки* — в единственном, остаётся только гадать. Не мыслятся во множестве и многие слова, называющие отвлеченные понятия. *совесть, справедливость, творчество, синева, добро, любовь* (любви возможно лишь в ироническом смысле). Только в форме множественного числа существуют слова, называющие предметы, состоящие из двух частей: *ворота, штаны, очки, ножницы* и почему-то *часы*.

Даже в тех случаях, когда формы числа «в полном комплекте», в их употреблении не всё просто. Например, в предложении *Все дети любят мыть голову шампунем «без слёз»*, конечно, не имеется в виду, что все дети совместными усилиями моют одну-единственную голову. Знаменитый лозунг *Книга — источник знаний* тоже не подразумевает, что достаточно прочесть всего лишь одну книгу.

Это далеко не полный перечень «странностей» числа существительных. Вот уж действительно обманчивая простота!

ИВАН РОДИЛ ДЕВЧОНКУ...

В предложении *После ужина в своём кресле под светом лампы мать выводила иголкой узоры, вышивала подарок сестре* множество существительных, каждое из которых называет так или иначе вовлечённый в ситуацию предмет. *Мать* — тот, кто производит действие, *узоры и подарок* — объект, на который действие направлено, *сестра* — адресат действия, *после ужина* — указывает на время действия, *в кресле и под светом* — на место, *иголка* — орудие, с помощью которого действие совершается, и т. д. Все эти сложные и разнообразные отношения в русском языке передаются с помощью падежных форм.

В реальности вариантов отношений между участниками ситуаций, конечно, гораздо больше, чем падежей. Наверное, человеку, в родном языке которого 20 падежей, трудно понять, как мы обходимся шестью. Но разве кто-нибудь не смог выразить свою мысль лишь потому, что в русском языке не оказалось нужной падежной формы? Есть языки всего с двумя падежами и совсем без них, но на любом можно сообщить, кто совершает действие, с помощью чего и т. д.

В русском языке каждый падеж выражает не одно, а несколько значений. Например, предложный падеж *Мне рассказали о городе* — объект действия, *Мы живём в городе* — место, *Люди*

в городе приветливые — определение. Помогают падежным формам передавать разные значения предлоги.

Считается, что падежей в современном русском языке шесть: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и предложный (их порядок школьники запоминают с помощью забавного двустишия: *Иван родил девочку, велел тащить пелёнку*). Но есть основания считать, что падежей в русском языке больше. Внутри родительного падежа есть формы с особым окончанием **-у** и со значением ограниченного количества: *положить сахару, выпить чаю*. Внутри предложного тоже «спрятаны» два падежа, сравните: *о лесе, о снеге, о годе* и *в лесу, в снегу, в году*. Выделить эти формы в полноценные падежи мешает то, что они есть только у небольшого числа слов.

Изменение слова по падежам называют *склонением*. Способность склоняться — отличительная черта имён существительных, прилагательных, числительных. Падежные формы образуются с помощью окончаний; каждое слово имеет свой набор форм (парадигму) и свои окончания. Если брать всё новые и новые существительные и образовывать от них падежные формы, можно заметить, что наборы окончаний повторяются. *дом — дама — даму — дам — домам — (о) даме; лес — леса — лесу — лес — лесам — (о) лесе; хлеб — хлеба — хлебу — хлеб — хлебам — (о) хлебе*. Таких основных наборов окончаний три: один для слов типа *дам*, другой для слов типа *страна*, третий — для слов типа *ночь*. Эти три набора форм называют *типами склонения*. Кроме трёх основных типов есть ещё и особые. Например, существительные, образовавшиеся из прилагательных и причастий, склоняются как прилагательные: *дамовой — дамового — дамовому — дамового — дамовым — (о) дамовом*. Особый набор окончаний имеют слово *путь* и известная десятка: *время, племя, имя* и т. д.

О ЖИВЫХ КУКЛАХ И НЕЖИВОЙ ТОЛПЕ

Русские существительные имеют одну, очень своеобразную категорию: одушевлённости/неодушевлённости. Большинство носителей русского языка уверены: одушевлённые существительные — это те, которые называют живые предметы (людей и животных), а неодушевлённые — все остальные. Определить, одушевлённое существительное или нет, можно

ЕСТЬ ЛИ ЗУБЫ У РЫБЫ?

Все три варианта, конечно, неправильны, но в разной степени. Первый вариант — наиболее неправильный. Обе формы неправильны, потому что окончание **-ей** родительного падежа множественного числа никогда не присоединяется к основам существительных, кончающихся на твёрдые согласные. Оно закономерно образует родительный падеж множественного числа от существительных мужского рода с основами, оканчивающимися на мягкие согласные, тогда как к основам на твёрдые согласные присоединяется окончание **-ов**. Вот регулярные соотношения: *углов* (от *угол*) — *углей* (от *уголь*), *маляров* (от *маляр*) — *пекарей* (от *пекарь*), *усов* (от *ус*) — *гусей* (от *гусь*).

Во втором варианте неправильно образована форма *рыбов*, потому что окончание **-ов** не может образовать родительный падеж множественного числа от существительных женского рода; форма *зубов* образована правильно.

Наконец, в последнем варианте тоже правильна только одна форма — *рыбѸ*. Однако форма *зубѸ*, образованная с нулевым окончанием вместо окончания **-ов**, не нарушает резко закономерности русской морфологии. Ряд существительных мужского рода в порядке исключения имеет родительный падеж множественного числа с нулевым окончанием: *ботинокѸ, сапогѸ, партизанѸ, грузинѸ* и др. А в XIX в. была возможна наряду с формой *зубов* и форма *зубѸ*. Например, у А. С. Пушкина в «Домике в Коломне»:

Но Пегас

Стар, **зуб** уж нет. Им вырытый колодез
Иссох. Порос крапивою Парнас...

якобы по вопросу: «кто?» — *волк*, одушевлённое; «что?» — *дам*, неодушевлённое. О том, как вопросы «помогают» понять грамматику, уже говорилось. И в этом случае, как и при определении рода или падежа, мы заранее знаем, какой вопрос задавать. Откуда? Первое предположение — по значению: живое или неживое. Действительно, *волк* живой — «кто?», *дам*

неживой — «что?». Но *дуб* — «что?», хотя растения вообще-то живые. Дальше ещё удивительнее: *мертвец* — «кто?» (какой же он живой?!), *снеговик* — «кто?», а *народ* — «что?», хотя из живых людей состоит. Между тем вопросы заданы правиль-

ные, и спросить *мертвец* — «что?» или *народ* — «кто?» ни одному носителю русского языка в голову не придёт

Что же заставляет нас вопреки значению слова, вопреки реальному делению на живое и неживое именно так подбирать вопросы? Оказывается, грамматика. Грамматике всё равно, кто дышит, ест и растёт, а кто нет. А что ей не всё равно? Сравните:

Им. п.	<i>дом</i> ∅	<i>волк</i> ∅
Род. п.	<i>дома</i>	<i>волка</i>
Дат. п.	<i>дому</i>	<i>волку</i>
Вин. п.	<i>дом</i> ∅	<i>волка</i>
Твор. п.	<i>домом</i>	<i>волком</i>
Пред. п.	(о) <i>доме</i>	(о) <i>волке</i>

Данные слова одного типа склонения, поэтому и набор окончаний должны иметь одинаковый. И действительно, окончания совпадают во всех падежах, кроме винительного. У слова *дом* форма винительного падежа совпадает с формой именительного, а у слова *волк* — с формой родительного. Понаблюдаем ещё:

Им. п.	<i>дуб</i> ∅, <i>народ</i> ∅	<i>мертвец</i> ∅, <i>снеговик</i> ∅
Род. п.	<i>дуба</i> , <i>народа</i>	<i>мертвеца</i> , <i>снеговика</i>
Дат. п.	<i>дубу</i> , <i>народу</i>	<i>мертвецу</i> , <i>снеговик</i> <i>у</i>
Вин. п.	<i>дуб</i> ∅, <i>народ</i> ∅	<i>мертвеца</i> , <i>снеговика</i>
Твор. п.	<i>дубом</i> , <i>народом</i>	<i>мертвецом</i> , <i>снеговиком</i>
Пред. п.	(о) <i>дубе</i> , (о) <i>народе</i>	(о) <i>мертвече</i> , (о) <i>снеговике</i>

Результат тот же: если форма винительного падежа совпадает с именительным, для нас это «что?», если с родительным — «кто?» (о том, почему это именно так, см. статью «История русской грамматики»).

Категория одушевлённости/неодушевлённости — ещё один пример того, что в языке логика иная, нежели в реальном мире. Для языка «живыми» оказываются *кукла*, *воздушный змей*, *шахматный ферзь*, а неживыми — *толпа* и *человечество* (проверьте это сами). По-видимому, для языка *ферзь* — фигура активная («ходит», «угрожает», даже может кого-то «съесть»), а *человечество* как единый деятель не воспринимается.

Множество парадоксов, связанных с существительными, имеет своё объяснение. Ведь они берут на себя так много ролей, так многообразен мир, который они называют!

СОГЛАСОВАТЕЛЬНЫЕ КЛАССЫ

Какие окончания могут стоять на месте черточек? Вместо первой черточки могут быть только окончания винительного падежа множественного числа прилагательных. Существуют два таких окончания: **-ие** (при употреблении прилагательного с неодушевлённым существительным) и **-их** (в случае одушевлённого существительного).

Вместо второй черточки можно поставить только окончания именительного падежа прилагательных: **-ый**, **-ая**, **-ое** или **-ые**. Окончание на месте третьей черточки либо совпадает со вторым окончанием, либо является окончанием краткого прилагательного (нулевое окончание, **-а**, **-о** или **-ы**), каждое из которых в точности соответствует одному из вторых окончаний. Поэтому дальше можно рассматривать лишь первое и второе окончания.

Рассматривая всевозможные комбинации первого и второго окончаний, можно обнаружить существительные, которые допускают только данную комбинацию окончаний. Лишь для одной комбинации не находится ни одного существительного (первое окончание **-их**, а второе — **-ые**). Все остальные комбинации определяют семь классов русских существительных: 1) *стол* (неодушевленные существительные мужского рода); 2) *река* (неодушевленные женского рода); 3) *окно* (неодушевленные среднего рода); 4) *саши* (неодушевленные, обозначающие парные предметы); 5) *лев* (одушевленные мужского рода); 6) *собака* (одушевленные женского рода); 7) *чудовище* (одушевленные среднего рода). Кроме того, имеются существительные типа *староста*, которые допускают две комбинации окончаний прилагательных (для мужского и женского рода). Эти существительные составляют восьмой класс.

Таким образом, выделены классы русских существительных в зависимости от их влияния на формы согласуемых с ними слов. Каждый такой класс характеризуется определенным сочетанием признаков: род, одушевлённость/неодушевленность, парность/непарность. Однако не все теоретически возможные сочетания признаков реализованы в русском языке. У парных существительных род не различается. Кроме того, не существуют одушевленные парные существительные.

Следует также отметить, что существительные, имеющие только форму множественного числа и обозначающие нерасчлennую совокупность (например, *чернила*), а также существительные, имеющие только форму единственного числа (*молоко*), могут рассматриваться двояко. Во-первых, можно считать, что их нельзя употреблять в указанной конструкции, и тогда они не подлежат классификации в рамках данной задачи. Во-вторых, если считать, что их можно употребить в указанной фразе, то они распределяются по уже выделенным классам.